

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

НОВЫЙ ЗРИТЕЛЬ

22 июля
1928 года

Орган Мосгубполитпросвета и УМЗП

Москва, 9, Страстная пл., 2/42. Театр-кино-печать. Телефон 73-86.
Прием в редакции по средам от 1 до 3 ч. дня.

№ $\frac{29}{30}$ (236-237)

пятьдесят пятый год издания

У своей колокольни...

„Вишневый сад“ в МХАТ'е I

То, что Московский Художественный театр рванулся в этом сезоне к «современности» и одновременно возобновил свой фамильный «Вишневый сад» вполне вытекает как из самого характера МХТ, так и из той неуверенной музыки, которая звучала в его беспокойно-созерцательной революционности. Судорожный и нерешительный разрыв со всем прошлым, вполне понятно, оказался слишком утомительным для интеллигентски-либерального мечтательного мира московских художественников. Он неизбежно вызвал необходимость в спешной передышке, необходимость во временной отмене, на которой можно было бы «отвести душу», отдышаться и, если хотите, набраться новых запасов храбрости. Еще бы! От плаксивой, расслабленной чеховщины с ее беспредметными мечтаниями до партизанского «Бронепоезда» — дистанция огромного размера.

Кадровый состав старой гвардии МХТ ближе всего к Чехову, — поэтому он и избрал себе передышку на одной из его наиболее выразительных пьес — на «Вишневом саду».

Когда К. С. Станиславский говорит о «Вишневом саду», что в нем он ощущает «позию бывлой барской жизни», но, что в то же время хотя и «жаль уничтожать его, а надо...», потому, что он «дохода не приносит», то он, конечно, целиком остается в пределах своего классового двойственного мироощущения. Но, что делать современному зрителю, для которого барственная поэзия Гаевского вишневого сада — анахронизм, а с делецкой конторой Лопахиных, превращавших такие сады в доходные дачные участки, уже давным-давно покончено? Рассуждая логически, — нынешнему зрителю, пожалуй, следовало бы либо вовсе отмахнуться от него, либо взглянуть, как на музейную ценность. Однако, такой подход был бы сейчас преждевременным и нежизненным.

Мы согласны с тем, что и Чехов, и канонизовавший его МХТ отобрали в данном своем создании идеологию, достаточно чуждую настроениям, подымавшимся из рабочих кварталов и трудовой деревни даже в то глухое предреволюционное время, когда писался «Вишневый сад». Ведь это был канун 1905 года, это было то время, когда Горький уже содействовал пробуждению личности нового класса. Мы не спорим также и о том, что в «Вишневом саду» мы находим немалую дозу, в известном смысле, довольно-таки едкой иронии по адресу последних отпрысков распадавшихся дворянских гнезд. Наконец, что в этой пьесе и автор и театр в одинаковой степени более, чем далеки от какой бы то ни было идеализации вступавшей тогда в свои права купечествовавшей Лопахиной.

И что же?

Все-таки «Вишневый сад» не наш, и в то же время, именно в возобновленной постановке МХТ он еще не музей.

В том, что он не наш, легче всего убедиться, взглянув хотя бы на те выводы, которые предлагает автор, а вместе с ним и театр в своем довольно-таки затуманенном призыве к некоей фантастической новой жизни. Особенно дико слышать о ней теперь из наивных грез молодой племянницы Гаева, Ани или из словоблудия

эсерствующего старого студента Пети Трофимова. Для современного зрителя уже не надо много усилий, чтобы сразу понять, что все это есть не больше, чем плод типичнейшей идеалистической протрации, заквашенной русской закатной интеллигенцией. Отсюда становится вполне понятным, что творцы «Вишневого сада» не лишили себя удовольствия также и вдоволь «поныть» над разгромлявшимися папенькиными рожицами и бабушкиными аллеями, «многоуважаемым шкапом» и прочим барским скарбом. Ведь именно для этой самой плаксивой, или, скажем точнее, мелодраматической нотки, оставили они наивно забытым в своем старом усадебном доме развалину — дворецкого Фирса. Вот, мол, какова наша нескладная, несчастная жизнь, вот как она безжалостна, даже заставляет собственных руками живьем хоронить и последние намеки на бывшее помещичье великолешие!

Существует легенда, будто Чехов мыслил свой «Вишневый сад» как некий театральный фарс, а вот-де МХТ погрузил эту пьесу в натуралистические тона драматизма. Мы, однако, не склонны поддерживать эту умильную легенду, хотя бы корни ее и восходили к самому автору пьесы. Вспомнимся внимательнее в тогдашнюю дворянски-буржуазную интеллигенцию, которая по утрам, одной рукой бессознательно помогая буржуазии, другой распространяла «безвредные» полупризрачные мечтания о «новой жизни», а вечерами, размякнув у камина, начинала ронять слезы безысходного уныния на свою жестокую несправедливую судьбу. Вслушаемся лучше в самого Чехова и в те настроения, которые красной нитью проходят через все его творчество и отмечают его, как пассивного певца «безысходной интеллигентской тоски».

Сопоставляя все это, мы готовы согласиться со словами В. И. Немировича-Данченко, что Чехов «своей знаменитой тоской точно внезапно вскрыл то, что носил в душе каждый русский интеллигент».

Да, Чехов, его «Вишневый сад» и МХТ — это плоть от плоти, кровь от крови старой русской интеллигенции, раздираемой двойственностью своего мироощущения, с его сложным сплетением упадочного либерализма дворянства и нарождавшегося гуманизма буржуазии.

«Вишневый сад» язвит Гаевых за то, что они наивно не видят, как их консерватизм подрубает собственное благополучие. Он иронизирует над ханжеской нелюбовью тетки Гаевых к своей племяннице, вызванной тем, что та «вышла замуж за присяжного поверенного, не дворянина...», но он и не обнаруживает прогрессивной силы буржуазии, — хотя бы в ее стремлении вывернуть эти загнанные вишневые питомники и остаться уже, конечно, абсолютно глухим и безмолвным к революционному пробуждению пролетариата.

И возобновленный теперь «Вишневый сад», несмотря на Октябрь, остался в своем первобытном состоянии.

Но почему он все-таки не музей, а по своему живая часть МХТ? Что, собственно, в нем обнаруживает биение сердца этого театра?

Дело в том, что для старой интеллигенции, а в том числе и для ее художественного крыла Октябрьская революция оказалась кардиналь-

ным ниспровержением того привычного мира, от которого она временами пускалась для своих новых мечтателей, но к которому она неизменно возвращалась и, как мы видим, хотя бы в лице МХТ... ретроспективно возвращается. Отсюда и необыкновенная, поистине «жизненная правдоподобность» и нынешнего «Вишневого сада»; в то же время отсюда же и его несовпадения и недоразумения с творящей современностью.

Новый зритель и теперешний созидатель художник либо рожден в революции, либо воспринял ее, а МХТ принял ее как неизбежность. И этого немаленького обстоятельства вполне достаточно, чтобы понять самую «жизненность» мхатовского «Вишневого сада», и в то же время объяснить себе, почему вернулась именно к нему и с такой искренностью старая гвардия московских художественников.

В актерском ансамбле особых изменений нет. В главных ролях заняты почти все старые исполнители. Перемены только в ролях Ани — (Тарасова), Дуняши — (Андровская), Вари — (Ко-

ренева), Фирса — (Лужский) и в смену с традиционным Епиходовым — Москвиным введен дублером новый член мхатовской труппы талантливый Топорков. Изменился ли от этого «Вишневый сад»?

Нет. Разве только слегка подсократились некоторые психологические паузы, а Топорков, при всем своем мастерстве, еще недостаточно «сыгрался» с чисто-мхатовской манерой исполнения. Остальное же в последнем счете все по-прежнему. Пожалуй, только Станиславский еще полнее, искреннее и ярче вскрыл почтенного недотепу Гаева, а Леонидов непонятно почему придал своему традиционному Лопахину черты какого-то полу-рамоли.

Какой же вывод? А вывод таков. Если раньше старая гвардия МХТ лирически всхлипывала, помпезно хороня в «Вишневом саду» усадьбную Россию, то ныне она спешит всплакнуть над самой родной чеховщиной, головы которой уже снесены огненным мечом Октябрьской революции.

В. А. ПАВЛОВ